

Пролог

Энтони Бриджертон всегда знал, что умрет молодым.

О нет, не ребенком. У юного Энтони не было причин размышлять о собственной смертности. Его детство можно было бы назвать идеальным, начиная со дня рождения.

Да, Энтони действительно был наследником древнего титула виконта и богатого поместья, но в отличие от многих аристократических пар лорд и леди Бриджертон очень любили друг друга и считали рождение сына не появлением наследника, а плодом этой любви.

Поэтому никто не устраивал званых вечеров, обедов и балов в честь Энтони. Мать с отцом были заняты тем, что восхищенно рассматривали первенца.

Бриджертоны были молодыми родителями: Эдмунду едва исполнилось двадцать, а Вайолет — восемнадцать, но они славились рассудительностью не по годам, любили сына неукротимо и преданно, качества, редко наблюдаемые в их кругах. К полному ужасу матери, Вайолет настаивала, что сама будет кормить сына, а Эдмунд никогда не следовал неписаным правилам, по которым отцы не должны ни видеть и ни слышать собственных детей. Он брал ребенка в долгие прогулки по полям Кента, рассуждал о философии и поэзии, когда тот еще не понимал значения этих слов. И каждый вечер рассказывал ему сказку на ночь.

Поскольку виконт и виконтесса были так молоды и любили друг друга, никого не удивило, что через два года после рождения Энтони на свет появился его младший брат, окрещенный Бенедиктом. Отныне Эдмунд стал брать на про-

гулки обоих детей. Целую неделю он провел на конюшне, помогая шорнику смастерить специальный ранец, в котором можно было бы носить Энтони. Малышку Бенедикта отец держал на руках.

Они гуляли по полям, переходили ручьи, и отец рассказывал детям о чудесных созданиях природы: прекрасных цветах и ясном голубом небе, о рыцарях в сверкающих доспехах и несчастных, попавших в беду девушках. Вайолет смеялась при виде растрепанной, обветренной и раздумывавшейся троицы, а Эдмунд обычно восклицал:

— Видите? Вот наша девица, попавшая в беду. И мы, конечно, спасем ее!

Энтони немедленно бросался в объятия матери и со смехом клялся защитить ее от огнедышащего дракона, которого они видели своими глазами всего в двух милях от деревни.

— Всего в двух милях от деревни?! — восклицала Вайолет с подобающим случаю ужасом. — Святые небеса, что бы я делала без своих защитников?! Трое сильных мужчин готовы оборонять меня!

— Бенедикт еще маленький, — непременно уточнял Энтони.

— Но он вырастет, — всегда отвечала она, ероша его волосы, — как вырос ты. И ты станешь еще выше и сильнее.

Эдмунд одинаково любил детей и был им предан, но по ночам, прижимая к груди фамильные часы Бриджертонов (подаренные на восьмой день рождения отцом, который, в свою очередь, получил их на восьмой день рождения от своего отца), Энтони часто думал, что отношения с отцом — особенные. Не потому, что Эдмунд любил его больше: к этому времени у него появились еще сестра и брат, Колин и Дафна, и Энтони прекрасно знал, что родители никого не выделяют.

Нет, ему нравилось так думать лишь потому, что он знал отца дольше остальных детей. В конце концов, как бы долго Бенедикт ни знал отца, Энтони всегда будет опережать его на два года. И на шесть — Колина. Что же касается Даф-

ны... помимо того факта, что она девочка (вот кошмар-то!), она познакомилась с отцом на восемь лет позднее, чем он, и эта разница сохранится навсегда.

Короче говоря, Эдмунд Бриджертон был самым средоточием и центром мира Энтони. Высокий, широкоплечий, он сидел на коне так, словно родился в седле. Он прекрасно решал арифметические задачи (что не всегда удавалось наставнику) и не видел причины, почему бы сыновьям не получить домик на дереве (который он и выстроил сам), а его смех мог согреть душу самого жестокого человека.

Эдмунд научил Энтони ездить верхом, научил стрелять, научил плавать. Сам отвез его в Итон, вместо того чтобы отослать в экипаже под присмотром слуг, и, заметив, как сын нервно оглядывает школу, которой предстояло стать его новым домом, потолковал с ним по душам, заверив, что все будет хорошо.

И оказался прав. Энтони знал это с самого начала. Отец никогда не лгал.

Энтони любил мать. Черт, да он отдал бы руку на отсечение, лишь бы она была здорова и счастлива. Но по мере взросления все, что он делал — каждое достижение, каждая цель, надежды и мечты — было связано с отцом.

Однако однажды все изменилось, его мир рухнул. Позже Энтони часто размышлял, как странно, что жизнь может перевернуться за какое-то мгновение, и там, где секунду назад была твердая почва, возникают топи и зыбучие пески.

Это случилось, когда Энтони было восемнадцать. Он вернулся домой на летние каникулы и готовился провести свой первый год в Оксфорде. Его записали в Колледж всех душ, как когда-то его отца. Будущее казалось ясным и безоблачным, каким бывает только в восемнадцать лет. Он только что обнаружил существование женщин, вернее, они обнаружили его существование. Семья продолжала увеличиваться, и к уже существующим отпрыскам добавились Элоиза, Франческа и Грегори. Энтони едва сдержался, чтобы не закатить глаза к небу при виде матери, беременной уже восьмым ребенком! Подобное положение казалось ему

несколько неприличным! Подумать только, такие старые, а все рожают детей!

Но он оставил свое мнение при себе.

Кто он такой, чтобы сомневаться в отцовской мудрости? Может, и ему захочется иметь много детей в почтенном тридцатишестилетнем возрасте!

Энтони узнал обо всем в конце дня. Они с Бенедиктом возвращались после долгой беспощадной скачки и только что вошли в холл Обри-Холла, наследственного дома Бриджертонов, когда он увидел свою десятилетнюю сестру, почему-то сидевшую на полу. Бенедикт, проигравший брату какое-то дурацкое пари, условия которого требовали, чтобы он почистил коней, все еще находился на конюшне.

Увидев Дафну, Энтони остановился. Странно было уже то, что сестра сидела посреди холла, но еще более непонятным было видеть ее плачущей. Дафна никогда не плакала.

— Дафф, — нерешительно начал Энтони, слишком юный, чтобы знать, как поступить с плачущей женщиной, и гадая, сможет ли когда-нибудь научиться, — что...

Но прежде чем он успел договорить, Дафна подняла голову, и скорбное недоумение, застывшее в ее огромных карих глазах, ударило его в самое сердце словно ножом. Он замер, осознав, что в доме что-то неладно. Очень неладно.

— Он умер, — прошептала девочка. — Папа умер.

Сначала Энтони показалось, что он ослышался. Отец не может умереть! Другие люди умирают молодыми, как дядя Хьюго, но дядя Хьюго был невелик ростом и очень слаб. Ну... по крайней мере ниже ростом и более хилым, чем Эдмунд.

— Ты ошибаешься, — промямлил Энтони. — Ты, конечно, ошибаешься.

Дафна покачала головой:

— Мне Элоиза сказала. Он... он...

Энтони понимал, что в таком состоянии не стоит трести сестру за плечи, но ничего не мог с собой поделать.

— Что с ним случилось, Дафф?

— Пчела, — прошептала она. — Его ужалила пчела.

Энтони ошеломленно уставился на сестру.

— Люди не умирают от укуса пчелы, — пробормотал он наконец хриплым, неузнаваемым голосом. — Его и раньше жалили пчелы, — добавил Энтони чуть громче. — Нас обоих. Тогда я был с ним. Мы набрали на гнездо. Меня ужалили в плечо...

Он невольно коснулся того места, которое так болело несколько лет назад.

Дафна молча непонимающе смотрела на брата.

— Тогда все обошлось, — настаивал Энтони, отчетливо слыша панические нотки в собственном голосе. Наверное, он пугает сестру, но бессилён совладать с собой. — Люди не умирают от укуса пчелы! — повторил он.

Дафна покачала головой. Взгляд ее карих глаз, казалось, принадлежал столетней старухе:

— Элоиза сама видела. Только минуту назад он стоял и улыбался. А в следующий момент уже... уже...

— Что, Дафна? Что случилось в следующий момент?!

— Умер, — ошеломленно пробормотала она.

Энтони так же ошеломленно уставился на сестру.

Он так и оставил ее в прихожей и, перепрыгивая через две ступеньки, ринулся наверх, в спальню родителей. Отец, конечно, жив! Никто не умирает от укуса пчелы! Это невозможно! Совершенное безумие! Эдмунд Бриджертон молод, крепок, силен, и какая-то жалкая пчела не могла свалить его с ног.

Однако, добравшись до верхней площадки, он по мрачным лицам молчаливых слуг сразу понял, что дело плохо.

И лица, лица, выражающие сочувствие, участие, сожаление... всю оставшуюся жизнь эти лица будут его преследовать.

Он хотел было протиснуться сквозь толпу к родительской спальне, но слуги расступались перед ним, как Красное море перед евреями, и, открыв дверь, Энтони все понял.

Мать сидела на краю кровати. Она не плакала. Не издавала ни звука. Только держала отцовскую руку и медленно раскачивалась.

Отец был неподвижен. Неподвижен, как...

Энтони даже не хотел додумывать до конца.

— Мама, — выдавил он, хотя годами не называл ее так. Став учеником Итона, он обращался к ней «матушка», считая это более подобающим взрослому сыну.

Она нехотя обернулась и непонимающе нахмурилась, будто его голос доносился до нее сквозь длинный, длинный тоннель.

— Что случилось? — прошептал он.

Вайолет покачала головой, безнадежно глядя в пространство.

— Не знаю, — прошептала она. Губы так и остались приоткрытыми, словно она хотела сказать еще что-то, но забыла слова.

Энтони неуклюже шагнул вперед, снова споткнувшись о невидимое препятствие.

— Его больше нет, — прошептала мать. — Его больше нет, а я, Господи, я...

Она положила ладонь на округлый живот.

— Я сказала ему... о, Энтони... сказала ему...

Она, казалось, вот-вот разлетится на мельчайшие осколки. Перестанет существовать, и это будет для нее величайшим блаженством. Энтони проглотил обжигающие глаза и горло слезы и подошел к ней:

— Ничего, мама, ничего... все хорошо...

Но он знал, что хорошо уже больше никогда не будет.

— Я сказала ему, что это наш последний, — простонала она, рыдая на его плече. — Сказала, что больше не могу вынашивать детей. И что мы должны быть осторожны, и... о Боже, Энтони, чего бы я только не дала, чтобы он был со мной! Чтобы я смогла родить ему еще одного ребенка! Не понимаю... просто не понимаю...

Энтони молча обнимал плачущую мать. И не находил слов утешения. Бесполезно. Ничем не выразить опустошенность в душе и сердце.

Он тоже ничего не понимал.

Приехавшие к вечеру доктора объявили, что сбиты с толку. Они слышали о чем-то подобном. Но на их памяти это был первый случай, чтобы молодой и сильный мужчина

умер от таких пустяков! Действительно, Хьюго, младший брат виконта, внезапно умер год назад, но это еще ни о чем не говорило. Правда, Хьюго умер в поле, однако никто не заметил на его коже укуса пчелы.

Впрочем, никто и не искал.

— Нельзя было ничего предвидеть, — повторяли доктора снова и снова, пока Энтони не захотелось придушить их всех.

Наконец ему удалось выставить их из дома и уложить мать в постель. Пришлось переселить ее в другую спальню: она просто не смогла спать в той комнате, которую много лет делила с Эдмундом. Энтони удалось утихомирить и братьев с сестрами, пообещав, что они поговорят утром, что все будет, как прежде, и он позаботится о них, как хотел бы того отец.

Только потом он вошел в комнату, где лежало тело Эдмунда, и, почти не мигая, уставился на отца. Прошло несколько часов. Он покинул комнату другим человеком, с совершенно новым видением жизни и сознанием собственной смертности.

Эдмунд Бриджертон умер в тридцать восемь лет. И Энтони просто не мог представить, что способен чем-то превзойти отца. Даже возрастом.

Глава 1

Тема повес, разумеется, уже обсуждалась в этой колонке, и автор пришел к заключению, что существуют повесы и Повесы.

Энтони Бриджертон — Повеса с большой буквы.

Просто повеса (тот, что сортом пониже) обычно молод и незрел. Он выставляет напоказ свои похождения, ведет себя как последний идиот и воображает, будто опасен для женщин.

Повеса с большой буквы (высший класс) знает, что опасен для женщин. Он не выставляет напоказ свои похождения, потому что в этом нет необходимости. Он и без того понимает, что окружающие бесконечно о нем сплетничают, и, честно говоря, предпочел бы, чтобы о нем вообще забыли. Он знает, что именно представляет собой и что совершил; дальнейшие пересуды, по его мнению, не имеют смысла.

Он не ведет себя как идиот по той простой причине, что он вовсе не идиот (не более, чем это ожидается от всякого представителя мужского пола), он не выносит недостатков нынешнего общества, и автор не может сказать, что осуждает его.

И если все вышесказанное не дает идеальной характеристики виконта Бриджертона, самого завидного жениха этого сезона, автору следует немедленно и навсегда отложить свое перо. Единственный вопрос заключается вот в чем: будет ли сезон 1814 года именно тем, когда он наконец познает блаженство брака?

Автор считает... что нет.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
20 апреля 1814 года*

— Только не говорите мне, — заявила Кейт Шеффилд, ни к кому в особенности не обращаясь, — что она снова пишет о виконте Бриджертоне.

Ее единокровная сестра Эдвина, подняла глаза от газетного листка.

— Откуда ты знаешь?

— Хихикаешь как безумная.

Эдвина снова залилась смехом, сотрясая обитый синим дамастом диван, на котором сидели девушки.

— Видишь, — укоризненно сказала Кейт, слегка подтолкнув сестру. — Ты всегда хихикаешь, когда она пишет об очередном гнусном распутнике.

Правда, при этом Кейт улыбалась. Она обожала поддразнивать сестру. Добродушно, разумеется.

Мэри Шеффилд, мать Эдвины и мачеха Кейт, которую опекала вот уже почти восемнадцать лет, подняла глаза от вышивания и поправила очки.

— Что это вас так развеселило?

— Кейт злится, потому что леди Уистлдаун снова пишет об этом распутном виконте, — пояснила Эдвина.

— И вовсе я не злюсь, — оправдывалась Кейт, хотя ее никто не слушал.

— Бриджертон? — рассеянно осведомилась Мэри.

— Совершенно верно, — кивнула Эдвина.

— Она всегда о нем пишет.

— Думаю, ей нравится писать о распутниках, — заметила Эдвина.

— Ну разумеется! О чем ей еще писать? — удивилась сестра. — Если читателям наскучат ее статейки, никто не купит газету.

— Неправда, — возразила Эдвина. — Только на прошлой неделе она писала о нас, и, Богу известно, мы не самые интересные в Лондоне люди.

Кейт улыбнулась наивности сестры. Пусть она и Мэри не самые интересные в Лондоне люди. Но Эдвина, с ее волосами цвета сливочного масла и поразительно светлыми голубыми глазами, уже была провозглашена Несравненной сезона 1814 года. Кейт же, с ее ничем не выдающимися

каштановыми волосами и карими глазами, обычно именовалась «старшей сестрой Несравненной».

Что же, бывают прозвища и похуже. По крайней мере никто еще не назвал ее «засидевшейся в старых девах сестрой Несравненной», что было бы гораздо ближе к правде. В двадцать лет, а если уж быть честной до конца, почти в двадцать один год, Кейт считалась немного староватой, чтобы наслаждаться своим первым лондонским сезоном.

Но у них просто не было иного выхода. Даже при жизни отца семья Кейт не была богатой, а спустя пять лет они и вовсе были вынуждены сильно экономить. Конечно, до рабочего дома им было далеко, однако приходилось считать каждый фунт и каждый пенс.

При таких стесненных обстоятельствах Шеффилды смогли наскрести денег только на одну поездку в Лондон. Нанять дом, экипаж и минимальный штат слуг обошлось в немалые деньги. Дважды потратить такую сумму они просто не имели права. И так приходилось пять лет копить, чтобы позволить себе подобную расточительность. А если девочкам не удастся поймать себе женихов на брачном рынке... что же, их никто не запрет в долговую тюрьму, но придется подумать о спокойной жизни в благородной бедности в одном из очаровательных маленьких коттеджей Сомерсета.

Поэтому девушкам пришлось стать дебютантками одновременно. И самым подходящим, по мнению Мэри, стал год, когда Эдвине исполнилось семнадцать, а Кейт — двадцать один. Мэри хотелось бы подождать еще год, пока Эдвине не будет восемнадцать, но тогда Кейт достигнет почти двадцати двух лет, и кто же тогда на ней женится?!

Кейт насмешливо улыбнулась. Она с самого начала не хотела этого сезона, зная, что такие, как она, не привлекают внимания титулованных женихов. Она недостаточно красива, чтобы компенсировать недостаток приданого, не умела жеманиться, кокетничать, семенить мелкими шажками. Не научилась и остальным вещам, о которых другие девушки, похоже, узнают еще в колыбели. Даже Эдвина, девушка добрая и искренняя, каким-то образом умела сто-

ять, ходить и вздыхать, так, что мужчины были готовы драться за честь помочь ей перейти улицу.

Кейт же всегда стояла прямо, расправив плечи, а ходила так, словно участвовала в призовых скачках. Но почему бы нет?! Если кто-то куда-то идет, какой смысл тащиться, едва перебирая ногами?!

Что же до нынешнего лондонского сезона... ей даже город не слишком нравился. О да, она неплохо проводила время и познакомилась с достаточно приятными людьми, однако деньги утекали словно сквозь пальцы, и сознавать это было совершенно невыносимо.

Но Мэри и слушать ничего не желала.

— Выходя замуж за твоего отца, — твердила она, — я поклялась любить тебя и растить с той же заботой и вниманием, которое уделю собственному ребенку. — Я выполняю долг перед твоей бедной матушкой, упокой, Господи, ее душу. И часть этого долга — видеть тебя счастливой в семейной жизни.

— Я вполне могу быть счастлива в деревне, — упрямилась Кейт.

— Но в Лондоне куда больший выбор, чем здесь, — запротестовала Мэри.

Тут в разговор вмешалась Эдвина, заверив, что будет ужасно несчастна без нее, и поскольку Кейт не выносила, когда сестра расстраивалась, ее судьба была решена.

И вот теперь она сидит в скромно обставленной гостиницы снятого на сезон дома в районе Лондона и...

Кейт лукаво огляделась.

...и не знает, чем занять себя от скуки.

Кейт выхватила газету из рук сестры.

— Кейт! — взвизгнула Эдвина, тараща глаза на крошечный треугольник газетной бумаги, оставшийся в ее руке. — Я еще не дочитала!

— Ты будешь мусолить ее целую вечность, — ухмыльнулась Кейт. — Кроме того, я хочу посмотреть, что леди Уистлдаун сказала о виконте Бриджертоне на этот раз.

Глаза Эдвины, которые обычно сравнивали с мирными шотландскими озерами, блеснули дьявольским светом:

— Ты ужасно интересуешься виконтом, Кейт. Может, что-то утаиваешь от нас?

— Глупости! Я с ним даже не знакома! А если бы нас и познакомили, я немедленно спряталась бы от него! Он из тех людей, которых нам следует избегать любой ценой. Этот человек, возможно, способен обольстить даже айсберг.

— Кейт! — воскликнула Мэри.

Кейт поморщилась. Она совсем забыла о присутствии мачехи!

— Но это правда! — настаивала она. — Я слышала, что у него женщин больше, чем песка на морском берегу.

Мэри посмотрела на падчерицу, словно решая, отвечать или нет, и, наконец заметила:

— Конечно, это не совсем подходящая тема для ваших ушей, но многие мужчины могут сказать о себе то же самое.

Кейт залилась краской. Такого она не ожидала. Однако сдаваться тоже не собиралась:

— Думаю, у него их в два раза больше, чем у всех остальных. Как бы там ни было, он куда больший распутник, чем другие мужчины. Это не тот человек, которому можно позволить ухаживать за Эдвиной.

— Но это и твой сезон, — напомнила Мэри.

Кейт ответила Мэри саркастическим взглядом. Обе отлично понимали, что если виконт решит ухаживать за одной из сестер Шеффилд, это будет не Кейт.

— Вряд ли напечатанное здесь изменит твое мнение, — пожала плечами Эвина и нагнулась к Кейт, чтобы лучше рассмотреть статью. — Да и вообще она пишет не столько о нем, сколько рассуждает о повесах и распутниках в целом.

Глаза Кейт выхватывали из текста ключевые слова.

— Пффф! — презрительно фыркнула она. — Бьюсь об заклад, она права. Скорее всего в этом году он не женится.

— Ты всегда на стороне леди Уистлдаун, — с улыбкой пробормотала Мэри.

— Потому что она, как правило, пишет правду. Вы должны признать, что для репортера светской хроники она на редкость здравомыслящая женщина. И до сих пор верно оценивала всех тех, с кем я встречалась в Лондоне.

— По-моему, ты должна иметь собственное мнение, — беспечно заметила Мэри. — Тебе не к лицу судить об окружающих по светской хронике.

Кейт знала, что мачеха права, но признаваться в этом не хотелось. Поэтому она снова фыркнула и принялась за газетную статью.

«Светская хроника от леди Уистлдаун», несомненно, была самой интересной из всех лондонских газетных сплетен. Кейт не знала, когда леди начала писать, но слышала, что первая колонка появилась в прошлом году. Одно было ясно: кем бы ни была леди Уистлдаун, а никто не знал, кем она была, таинственная женщина-репортер явно принадлежала к высшему обществу и обладала неплохими связями. По крайней мере иначе и быть не могло. Ни один сторонний наблюдатель не мог знать тех сплетен, изложение которых появлялось в ее колонке каждый понедельник, среду и пятницу.

Леди Уистлдаун была неизменно осведомлена о последних слухах и скандалах и в отличие от других не стеснялась называть имена своих героев. Например, на прошлой неделе, решив, что Кейт не идет желтое, она не постеснялась написать:

«Желтый цвет придает темноволосой мисс Кэтрин Шеффилд вид опаленного нарцисса».

Кейт не отреагировала на оскорбление: слишком часто она слышала, что человек может считаться допущенным в общество только после оскорбления, нанесенного леди Уистлдаун. Даже Эдвина, по всем меркам имевшая небывалый успех в свете, завидовала вниманию, которое уделила сестре таинственная женщина-репортер.

И хотя Кейт не особенно жаждала быть в Лондоне во время сезона, все же рассудила, что если уж участвовать в светском водовороте, лучше при этом не выглядеть полной неудачницей. Если оскорбление, нанесенное в светской колонке, — единственное ее достижение, значит, быть